

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АЛЕКС БРАНДТ

ПЛАМЯ
МАГДЕБУРГА

Алекс Брандт

Пламя Магдебурга

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8466107
Брандт, Алекс. Пламя Магдебурга: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75148-8

Аннотация

В самый разгар Тридцатилетней войны, огнем пожирающей Европу, к Магдебургу – оплоту протестантской веры – подступила огромная армия кайзера. Древний город взят в кольцо осады, и его падение – лишь вопрос времени, если на помощь не подоспеет непобедимая армия шведского короля. Тем временем отряды наемников из католической армии рыщут по окрестностям, грабя мирные городки и села, отнимая у людей последнее и убивая всех тех, кто осмеливается им противостоять. Группа молодых горожан во главе с Маркусом Эрлихом решает отомстить солдатам за их бесчинства. Так некогда тихие бюргеры становятся охотниками за головами. Мир, который был так дорог Маркусу и его товарищам, рушится прямо у них на глазах, и обратной дороги нет ни для кого...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Брандт

Пламя Магдебурга

© Алекс Брандт, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

«Германия, о прекрасная и славная земля! Сколь велики бедствия, поразившие тебя, сколь тяжело твое горе! Война терзает тебя, огонь пожирает твои селения, голод и мор забирают твоих детей. Нет более числа умершим и искалеченным, нет числа обездоленным и несчастным, и кровь проливается на твои пашни подобно дождю...»

Крупные угловатые буквы воззвания были отпечатаны довольно плохо. Пробежав глазами первые несколько строк, Карл Хоффман поморщился и вытащил из бархатного футляра очки.

«...Кто же повинен во всех этих несчастьях? Кто повинен в том, что в империи не осталось более закона и справедливого суда, что сильный не защищает слабого, что торговля и ремесла пребывают в упадке, а некогда богатые и плодородные земли обратились в пустыню? Узри же своего врага, Германия! Того, кто презирает права сословий и не чтит заключенных договоров; того, кто отринул и растоптал все клятвы и обещания, данные его предками; того, кто желает уничтожить истинную церковь, а всех германцев сделать рабами римского папы; того, кто режет германские земли, будто

кусок полотна, и раздает их своим приспешникам. Узи его и произнеси его имя – имя жестокого и вероломного Фердинанда Габсбурга!¹

Германия, вот твой истинный враг! Со времен норманнов и венгров не было у тебя врага страшнее, ибо что может быть страшнее могущественного правителя, ненавидящего свой народ? Что может быть страшнее государя, забывшего о своем долге и благе подданных, государя, сделавшегося марионеткой в руках римского Антихриста?

Истинный государь призван охранять в своих владениях мир, обязан чтить законы Империи, быть своему народу не жестоким тираном, но любящим и заботливым отцом. Но разве тот, кто десять лет назад принял из рук курфюрстов императорскую корону и с тех пор стал именовать себя кайзером, сделался добрым правителем для Германии? Свое царствование он начал с того, что силой оружия отнял у Фридриха Пфальцского² его титул и земли и передал их – без суда, без согласия имперских чинов – своему кузену, Максимилиану Виттельсбаху³. Чтобы устроить недовольных, он призвал в страну испанских солдат. Он раздул пламя войны по всей Империи, уничтожая любого, кто осмеливает-

¹ Фердинанд II Габсбург (1578–1637) – император Священной Римской империи германской нации с 1619 по 1637 г.

² Фридрих V Пфальцкий (1596–1632) – курфюрст Пфальца; король Чехии (1619–1620), один из лидеров протестантской партии в Германии.

³ Максимилиан I Виттельсбах (1573–1651) – герцог Баварии, глава Католической лиги.

ся бросить вызов его несправедной и незаконной власти. Он наводнил страну своими отрядами и гарнизонами, которые беспрестанно грабят людей и опустошают землю, уничтожая богатства, копившиеся веками, тысячи семей обрекая на голод и нищету...»

Бургомистр снял на секунду очки, устало потер глаза.

Путешествие порядком утомило его, и он не мог дождаться, когда они наконец доберутся до Магдебурга. Карета выехала еще на рассвете, и вот уже без малого три часа они тряслись по разбитой, петляющей меж деревьев дороге. От тряски, от натужного скрипа колес у него начала болеть голова, а спина затекла так, как будто он протащил на ней мешок с углем.

Бургомистр был уже стар. Его жирные щеки обвисли и покрылись морщинами, короткие волосы приобрели неприятный пепельный оттенок. Минувшей весной ему исполнилось пятьдесят три – весьма солидный возраст, особенно если учесть, что в Кленхейме редко кому случалось дожить до пятидесяти.

В последнее время годы все сильнее стали тянуть Карла Хоффмана вниз, пригибать к земле. Еще совсем недавно он мог без посторонней помощи сесть на лошадь и проскакать несколько миль, и даже в Магдебург предпочитал ездить верхом, а не в карете. Но теперь о верховой езде пришлось забыть. И если бы только о верховой езде. Любое физическое усилие давалось ему нелегко. От долгой ходьбы у него начи-

налась одышка, он не переносил жары и не мог поднимать тяжести. Ему пришлось заказать знакомому башмачнику в Магдебурге новые туфли из мягкой кожи – прежние стали слишком жесткими, в них сильно болели ступни.

«Пора, пора уходить на покой, – подумал он. – Если уладим дело с фон Майером, так и объявлю на Совете. Найдут, кем меня заменить. Тот же Эрлих или Грёневальд вполне подойдет на мое место...»

Он тяжело вздохнул, провел ладонью по низкому лбу. Снова поднес к глазам измятый листок:

«...Своему жестокому слуге, Альбрехту Валленштайну⁴, Фердинанд даровал герцогство Мекленбургское, при помощи грубой силы отнятое у истинных правителей, герцогов Адольфа Фридриха и Иоганна Альбрехта. Его войска вероломно атаковали Штральзунд, до того не принимавший никакого участия в войне и ничем не нарушивший законов Империи. Вопреки решению соборного капитула, он передал власть над Магдебургом своему сыну, Леопольду Вильгельму, а когда город отказался подчиниться, подверг его жестокой осаде. Он утвердил Реституционный эдикт⁵, который лишил протестантов Германии всех прав и имущества, позволил

⁴ Альбрехт фон Валленштайн (1583–1634) – главнокомандующий имперской армией, имперский генералиссимус, герцог Фридландский и Мекленбургский, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

⁵ Реституционный эдикт – указ, изданный императором Фердинандом II в 1629 г., согласно которому часть протестантских земель, включая Магдебургское архиепископство, должна была быть возвращена католической церкви.

изгонять их из родных мест, словно бродяг, сделал их беспомощными и нагими перед грубым произволом римских церковников.

Стоит ли еще перечислять несправедливости и беззакония, которые творятся именем кайзера и по его прямому приказу? Ограбленные города, разоренные земли, трупы, гниющие на полях, оскверненные алтари – требуются ли иные свидетельства его преступных деяний? Все те годы, что длится война, Фердинанд Габсбург воюет не с внешним врагом, а со своими собственными подданными. Воюет против князей, которые не желают подчиниться ему; против городов, которые не хотят принимать у себя его гарнизоны; против простых людей, которые не в силах более терпеть притеснения его войск. В этой войне у него есть только одна цель – самодержавная власть. Власть неограниченная, не связанная ничем, позволяющая распоряжаться судьбами германских земель по своему усмотрению, дающая право устанавливать подати, не спрашивая мнения сословий, казнить неугодных, волей своей объявлять войну или заключать мир. Власть совершать все то, что позволено испанскому королю Филиппу или московскому царю Михелю Теодору. Власть, позволяющая лишить немцев их исконных свобод и возложить Империю, как драгоценный трофей, к стопам главного ненавистника Германии – римского папы...»

Хоффман прервал чтение и откинулся на жесткую спинку сиденья.

Сколько подобных воззваний уже разошлось по разным уголкам Империи? Говорят, что в магдебургских мастерских их печатают сотнями, а затем отправляют с торговыми кораблями вверх и вниз по реке, прячут в трюмах среди товаров, чтобы не отыскиали имперские чиновники и солдаты, а после выгружают в Гамбурге, Мейссене, Дрездене, Виттенберге – повсюду, где еще можно найти людей, ненавидящих католическое правление и готовых рискнуть своей шеей ради защиты истинной веры.

Вот только много ли во всех этих воззваниях правды? Стоит ли одного императора винить в том, что произошло в Германии за последние несколько лет? Да, Фердинанд жесток, ему наплевать на титулы и законы, ради упрочения своей власти он не останавливается перед любым, даже самым чудовищным кровопролитием и противников своих не щадит. Но так ли уж благородны и честны те, кто противостоит ему? Разве богемские дворяне под предводительством графа Турна⁶ не вторглись с двадцатитысячной армией в Австрию и не обстреливали из пушек укрепления Вены? Разве Мансфельд и Христиан Брауншвейгский⁷ не грабили мирных деревень, не накладывали контрибуций, не сжигали католические монастыри и церкви ради того, чтобы набить золотом

⁶ Индржих Матиаш Турн (1567–1640) – лидер чешских повстанцев, один из лидеров протестантской партии в империи.

⁷ Петр Эрнст фон Мансфельд, Христиан Брауншвейгский – командующие армиями протестантов.

собственные сундуки?

Что толку теперь рассуждать об этом... Война принесла императору удачу, его противникам – унижение и позор. Армию чешских протестантов католики уничтожили при Белой Горе⁸. Баварский герцог и испанский король – союзники кайзера – поделили между собою Пфальц. Тилли⁹ и Валленштайн наголову разгромили датского короля Христиана¹⁰, решившего прийти на помощь своим единоверцам в Германии. И вот сейчас, двенадцать лет спустя после начала войны, вся Империя лежит в страхе перед Фердинандом и никто не осмеливается возвысить свой голос против него. Бранденбург и Саксония безмолвствуют. Вюртемберг, Баден, Гессен, Брауншвейг, равно как и остальные протестантские княжества Империи, склонились перед мощью католических армий. В Германии у кайзера не осталось больше противников...

Карету подбросило на очередном ухабе, и Хоффман недовольно поморщился. Как же холодно и неудобно, как затекла от неудобного сидения его спина... Он бы многое отдал

⁸ Битва при Белой Горе (8 ноября 1620 г.) – битва, в которой войска Католической лиги разгромили армию чешских повстанцев.

⁹ Иоганн Церклас фон Тилли (1559–1632) – имперский фельдмаршал, главнокомандующий армиями императора и Католической лиги, один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

¹⁰ Христиан IV (1577–1648) – король Дании, в 1625 г. объявивший войну императору Фердинанду, но после ряда поражений вынужденный подписать мирный договор.

сейчас, чтобы вновь очутиться в своем кресле перед горящим камином, чтобы ноги его укрывал шерстяной плед и чтобы Магда принесла ему кружку подогретого молока. Путешествия так вредны в его годы...

Он перевел взгляд на своего попутчика. Хойзингер сидел, уткнувшись в бумаги, и его слегка выпученные, внимательные глаза быстро пробегали от строчки к строчке. Наверное, просматривает какие-то счета или же заново проверяет расписки, которые они должны показать сегодня фон Майеру... Что ждет их в Магдебурге? Не исключено, что фон Майера сейчас вообще нет в городе или же он – в силу своей занятости и того высокого положения, которое он занимает в магдебургском совете, – не сможет принять их и выслушать. И что им придется делать тогда? Отыскивать поверенных, готовых вести дело в суде? Писать жалобы, искать обходные пути в канцеляриях? Сколько времени, сколько сил будет потрачено на это...

Хойзингер отложил бумаги в сторону и потянулся.

– Все сходится, – сообщил он, стараясь подавить зевок.

– Что сходится? – переспросил бургомистр.

– Пятьсот талеров серебром, – пояснил тот. – Якоб не ошибся в расчетах.

Бургомистр слабо кивнул и ничего не ответил.

Дорога медленно плелась вдоль кромки густого леса. Подковы мягко стучали, скрипел разошедшийся короб кареты, плыла по сторонам пустая, потускневшая без теплого солн-

да земля. На вершине холма показался каменный крест – выщербленный, высокий, схваченный у основания темными ладонями мха. Чуть дальше согнулись в пояс, уткнувшись верхушками в дорожную пыль, надломленные стволы берез – год назад в здешних местах прошел ураган.

Молчание прервал Хойзингер:

– Ты напрасно уделяешь столько времени этим бумажкам, – сказал он, ткнув маленьким пальцем в сторону отпечатанного листка. – В них только глупость и безрассудство, и ничего более. Кайзер не простит Христиану Вильгельму¹¹ подобных воззваний, равно как и союза с королем Густавом¹².

Бургомистр вздохнул, пожевал губами.

– Что, по-твоему, сделает Фердинанд? – спросил он. – Снова двинет к Магдебургу войска, прикажет начать осаду?¹³ Думаешь, прошлогодняя неудача ничему не научила его?

– Откуда мне знать, что именно сделает император? – дернул щекой Хойзингер. – Одно могу сказать: союза с королем Швеции он ни за что не потерпит. Скажи мне, Карл: для чего Магдебургу понадобился этот союз? Какие мы, к чер-

¹¹ Христиан Вильгельм Гогенцоллерн (1587–1665) – наместник Магдебургского архиепископства (1598–1631), один из лидеров протестантской партии в империи.

¹² Густав II Адольф Ваза (1594–1632) – король Швеции (1611–1632), один из наиболее выдающихся полководцев Тридцатилетней войны.

¹³ В 1629 г. армия герцога Валленштайна на протяжении нескольких месяцев осаждала Магдебург.

ту, союзники? Уверяю тебя, при первой же возможности король сторгуется с Фердинандом за наш счет, вытряхнет нас из своего кошелька, как мелкую монетку. Куда Магдебургу тягаться с императором? Большая свинья всегда поросенка задавит. Сидеть бы нам теперь тихо, не высовываться... Не то сейчас время, чтобы свой гонор показывать и поднимать на всю Германию шум.

– По-твоему, Его Высочеству следовало не заключать союза со шведами, а поклониться вместо этого кайзеру? Пойти с Фердинандом на мировую, без боя отдать здешние земли католикам? Это же смешно, Стефан...

Хойзингер склонил голову набок, чуть подался вперед:

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Беда не в том, что Его Высочество заключил с королем договор, а в том, как и когда он его заключил. Сейчас, когда Швеция объявила Империи войну, а король Густав со всей своей армией высадился на северном побережье, такой договор нельзя назвать ничем иным, как глупостью. Я уже не говорю о том, чего будет стоить эта новая дружба. Знаешь, я тут недавно занялся подсчетами – стало любопытно, во сколько Кленхейму обходятся военные авантюры наших правителей. Так, так... Годовую подать за последние десять лет увеличили в три раза. Неплохо, правда? Так, дальше... Магдебург установил новую ввозную пошлину на свечи – четыре талера за ящик вместо прежних полутора... Для содержания войск Его Высочества отдали интендантам десяток лошадей и две подводы

с зерном... Что еще? Введен налог на содержание укреплений... Ротмистру Хеммке выплачено на основании предписания канцелярии наместника две сотни талеров для чрезвычайного – слово-то какое: чрезвычайного! – найма солдат...

Он сокрушенно махнул рукой.

– Да что говорить... Известное дело: о чем в кабаке бубнят – в государственном совете не слышат. Одно скажу: без толку читать все эти воззвания. В судьбе Кленхейма они ничего не решают. Меня куда сильнее заботит, когда мы наконец получим из Магдебурга деньги.

– Фон Майер поможет все уладить.

– Признаться, Карл, я не очень-то рассчитываю на его помощь... Что может сделать фон Майер? И ты, и я знаем, что дела в Магдебурге идут неважно. Да и у кого они теперь идут хорошо? Из-за проклятой войны торговли совсем не стало. Провизию купить негде, крестьяне ничего не хотят продавать. Клара Видерхольт хвастала недавно, что ей удалось выменять шесть фунтов сушеной рыбы в Рамельгау. Представляешь, событие?! Даже такой мелочи теперь люди радуются. И что за примерами далеко ходить – ты знаешь, я большой охотник до чесночных колбас, особенно если их сделать с приправами и соли в меру. У нас их готовить толком никто не умеет, и прежде я покупал их в Гервише, у тамошнего мясника. Пару кругов колбасы за полталера – дороговато, конечно, но того стоит. А сейчас он отказывается продавать даже за тройную цену. Вот так-то. Раньше можно было

раздобыть все: и молоко, и зерно, и овощи, были бы только деньги. А сейчас – ни денег, ни съестного. Крестьяне разбегаются кто куда, деревни обезлюдели. В Мюлихе и Гёллене дома стоят пустые, никого нет. В Лозовитце всех коров забили на мясо, лишь бы не достались солдатам. Помнишь, что рассказывали те двое беженцев из Лебена? Солдаты ворвались в их деревню, забрали весь хлеб и увели скотину, ничего не оставили. От голода им пришлось есть дождевых червей вместе с землей. Даже не знаю, как они смогли выжить... Вот, посмотри!

Хойзингер отодвинул оконную штору, и взгляду бургомистра открылось неровное, заросшее сорняками поле.

– Видишь? Раньше здесь сеяли ячмень, а теперь все заброшено.

Он задернул штору обратно.

– Так повсюду, Карл, все приходит в упадок. Замирает торговля, уезжают люди, а вместе с ними уходят деньги и товары. Мы привыкли жить на богатой земле, долго ли протянем на бедной?

– Ты преувеличиваешь, – после некоторой паузы произнес бургомистр. – Рано или поздно скупщики заплатят. Магдебург все равно должен где-то покупать свечи, они не смогут без нас обойтись.

– Если бы так, – пробормотал Хойзингер. – Но порой мне кажется, что Магдебургу нет до нас никакого дела. Что такое Кленхейм – пять дюжин дворов да церковь, одно назва-

ние, а не город. — Он усмехнулся невесело: — Знаешь, Карл, я боюсь не того, что нападут солдаты. Слава богу, живем посреди леса, вдали от дорог, и не так-то просто нас отыскать. Страшно то, что мы можем пойти по миру, что в Кленхейме начнется такой же голод, как и везде. От солдат можно отбиться или спрятаться в лесу, а куда денешься от бескормицы? Нужны деньги, Карл, очень нужны. Ты не хуже меня знаешь: выплата жалованья, содержание построек, подати наместнику — на все это Кленхейм тратит теперь не меньше двухсот талеров в год. И где, скажи, взять столько? Положим, около пятидесяти талеров удастся выручить от продажи сена и дерева, еще столько же дадут налоги и штрафы. Остальное должен перечислять цех, но цех в этом году не отдал в городскую казну и половины положенного, коль скоро сам не получает оплаты от скупщиков. И что мне прикажешь делать со всем этим? Денег нет, но при этом каждый считает своим долгом требовать их. Отцу Виммару понадобилось десять талеров на черепицу для починки церковной крыши, у Шёффля на мельнице износились шестерни и нужно покупать новые, Гримм требует платежа по прошлогоднему векселю. А третьего дня в ратушу приходила эта ненормальная, вдова Витштум, устроила настоящий скандал — почему, дескать, перестали выплачивать пенсион, который был ей назначен по смерти мужа. Я, разумеется, показал ей решение Совета на этот счет, но она раскричалась и назвала меня мошенником, который присваивает чужие деньги. Еле удалось

выставить ее за дверь. А сейчас, посмотри, написала письмо в городской совет.

Бургомистр принял из рук Хойзингера листок с половинками сломанной восковой печати. Маленькие неровные буквы, строчки, ползущие вверх:

«Многоуважаемым господам советникам, по правде, закону и установлению Божию – Эрика Витштум, вдова, в лето тысяча шестьсот тридцатое от Рождества Христова. Да будет известно господам советникам, что в отношении нашего семейства, именем своим обязанного моему мужу, Альфреду Витштуму, учителю, умершему два года назад, совершается большая несправедливость».

Почерк был мелкий, и, чтобы читать дальше, бургомистру пришлось снова надеть очки.

«Ввиду уважения, которым пользовался в Кленхейме мой упокойный муж, ввиду его доброго имени и заслуг, которые никто никогда не оспаривал, семейству нашему по смерти мужа был назначен пенсия в два талера серебром, о чем было издано соответствующее распоряжение, подписанное господином бургомистром Хоффманом. До последнего времени распоряжение это исполнялось должным образом и в срок».

– Почти без ошибок. Любопытно, кто ей помогал с этим, – заметил Хойзингер. – Не удивлюсь, если отец Виммар постарался или же младший Цинх. Кажется, это его почерк.

«Однако после Варфоломеева дня господин Хойзингер,

казначей, отказал нам в выплате денег, сославшись при этом на принятое городским советом решение».

– «Сославшись»! – передразнил Хойзингер. – Я не только сослался, я его показал и попросил Цинха, чтобы он прочел его Эрике вслух.

«Обращаюсь к многоуважаемым господам советникам с почтительной просьбой исправить случившуюся в отношении нашего достойного семейства несправедливость. Осмелюсь также напомнить, что после смерти мужа на моем попечении остается четверо детей, которых я содержу одна. Уповаю на мудрость и доброту отцов города, правящих Кленхеймом в согласии с Божьим законом и людским обычаем».

Бургомистр снял очки и вернул Хойзингеру письмо.

– Ну, что скажешь? – осведомился тот.

– Зачем она это написала? Ведь пенсии перестали платить всем, не только ей: и Келлерам, и Видерхольтам, и остальным тоже.

– Я же тебе говорю – ненормальная. За всю свою жизнь не видел более склочной и неприятной бабы. Впрочем, разве в ней одной дело? Сказать по совести, Карл, я совсем не представляю, что мы будем делать, если скупщики не погасят свой долг. Но уж если Господу будет угодно смириться над нами и мы получим из Магдебурга хотя бы часть денег, то я найду, как ими распорядиться. Разумеется, ни единого талера не пушу на уплату подати или на черепицу для церковной крыши. Нет, вместо этого мы закупим зерна,

солонины, всего, что удастся достать и что пригодится в голодную пору. Набьем доверху кладовые, а потом и посмотрим, как жить дальше!

В этот момент карету сильно потрянуло, и она опасно накренилась набок.

– Петер, поосторожней! – крикнул бургомистр вознице, хватаясь руками за жесткое сиденье.

– Извините, господин Хоффман, – отозвался тот. – Дорога вся разбитая, я уж стараюсь, как могу.

– Долго еще ехать?

– Сейчас по левую руку будет сгоревший дом, за ним – роща, а там уже совсем близко.

– Скорее бы, – поежился бургомистр.

– Не следовало брать возницей Петера, он не следит за дорогой, – заметил Хойзингер. – Наверняка задремал на козлах, оттого и яму проморгал, бездельник. В их семье все такие, потому и живут бедно. Но при этом, заметь, имеют наглость каждый год клянчить себе пенсион.

– Зачем ты так – Петер хороший парень. О матери заботится, да и работник из него неплохой.

– Как же, работник, – криво усмехнулся Хойзингер, отчего его рыжие усы слегка встопорщились. – Никогда Штальбе не были хорошими работниками. Вспомни хоть Петерова отца, Андреаса. За все брался – и плотничал, и у кровельщика Райнера в помощниках ходил, и в кузне работал. И толку? Гнали его отовсюду, потому как любая работа из рук ва-

лилась. И помер он раньше срока, оттого что пьяный упал в колодец и утонул. Петер в него пошел. Ничего толком делать не умеет, вот и нанимается, куда возьмут – свинарник вычистить, канаву прокопать или мешки с мельницы перетаскать.

– Что плохого в том, что человек не боится грязной работы? Не забывай, ему нужно содержать мать и двоих сестер.

– Я тебе одно скажу: Петер должен учиться ремеслу, а не дурака валять. Всю жизнь таскать мешки – много ума не требуется, но семью этим не прокормишь.

Бургомистр лишь пожал плечами в ответ. Спорить больше не хотелось.

Отодвинув шторку, он выглянул в окно. Хмурое небо было затянуто облаками, собирался дождь. Ветер носился над остывшей землей, поднимая в воздух пыль и пригибая вниз желтые головки полевых цветов. Было холодно.

Сгоревший дом, о котором упоминал возница, остался позади. Теперь дорога шла поперек широкого, заросшего травой луга. Вокруг было пусто – ни людей, ни животных. Только вдалеке, за деревьями, медленно вращались лопасти ветряной мельницы.

Колеса монотонно скрипели, карета раскачивалась, и можно было услышать, как проросшая на дороге трава шелестит под ее днищем.

Через какое-то время дорога пошла вверх и взобралась на небольшой холм. Далеко впереди бургомистр увидел каменные башни и высокие шпили церквей, похожие на черные

иглы. Ветер донес до его слуха протяжный звон колоколов. Это был Магдебург.

* * *

Спустя какое-то время карета подъехала к мосту, соединяющему правый и левый берега Эльбы. Под натянутым тучами небом река казалась холодной и неприветливой. Ветер гнал по ее поверхности маленькие волны; они бежали, обгоняя друг друга, и с тихим плеском разбивались о каменные опоры моста.

Карету остановили. Худой офицер с неподвижными глазами и безгубым ртом заглянул внутрь.

– Кто вы такие и откуда? – осведомился он.

– Я – Карл Хоффман, бургомистр Кленхейма. Со мной Стефан Хойзингер, городской казначей, – последовал ответ.

– Что вам понадобилось в Магдебурге?

– У нас дело к советнику фон Майеру.

По знаку офицера двое стражников осмотрели карету. Когда они убедились, что внутри нет никаких товаров, подлежащих обложению пошлиной, офицер вяло махнул рукой, пропуская карету дальше.

Порывы ветра усилились, но на этот раз ветер разогнал тучи, и в небе показалось солнце. Мягкий, согревающий свет пролился на город, разом осветив черепичные крыши и высокие медные шпили, вспыхнув золотыми искорками на по-

верхности воды.

Хоффман осматривался по сторонам – он не был здесь больше двух лет. На башнях и у ворот прибавилось часовых, из бойниц равнодушно выглядывали круглые пушечные жерла, нацеленные на противоположный берег. Снаружи казалось, что город как будто затих, спрятался в ожидании беды, осторожно поглядывая наружу поверх каменного пояса стен. В остальном все было как раньше. Только Эльба опустела. Обычно в это время года здесь царил столпотворение: подходили один за другим торговые корабли, тянулись баржи, нагруженные лесом, зерном и солью. Ничего этого теперь не было – только одинокая шхуна стояла у пристани, да пара рыбацких лодок медленно двигалась по течению вверх. Чуть вдалеке несколько женщин, смеясь и переругиваясь, стирали в реке белье.

Миновав тяжелые своды Эльбских ворот, карета въехала в Магдебург.

Улицы города были заполнены людьми. Торопились разносчики, семенили девушки с плетеными корзинами в руках, скрипели груженные повозки. В толпе мелькали кафтаны и платья, куртки и белые рукава полотняных рубашек, чепчики служанок и длинные алебарды солдат. На крепостной стене работники с помощью веревок и деревянных платформ поднимали вверх обтесанные каменные блоки. Лавочники громко расхваливали свой товар, сидящие на мостовой нищие и калеки протягивали руки за подаванием. Выкрики,

смех, ругань, шелест одежды и цоканье подков, скрип тележных колес, хлопанье дверей и ставен – все сливалось в мерно гудящий шум, висевший в воздухе, словно невидимое облако. Пахло дымом из печных труб и холодной речной водой, хлебом и свежевывловленной рыбой, и ко всему этому приешивался запах старого, пропитавшегося пылью и временем камня.

Ветер стих, теплые солнечные лучи заливали землю, на булыжниках мостовой лениво топтались голуби.

Несмотря на безветренную погоду, свет и солнечное тепло, бургомистр почувствовал вдруг, что его немного знобит. Впрочем, здесь, в Магдебурге, он всегда чувствовал себя неудобно. Город подавлял его своим богатством и тяжестью, высотой своих зданий, криками и шумом многоголосой толпы. Выступающие вперед верхние этажи домов заслоняли небо, от пыльного, нечистого воздуха было трудно дышать, а улицы и переулки напоминали ему узкие проходы, прорубленные сквозь толщу гранитной скалы. Здесь, на улицах Магдебурга, Хоффману начинало казаться, что он, подобно пророку Ионе, очутился внутри какого-то исполинского живого существа – существа, способного мыслить и двигаться, могущего испытывать радость, боль или страх; существа, чью жизнь поддерживают тысячи людей, которые населяют его распластанное по земле огромное тело и движутся по его улицам и площадям точно так же, как кровь движется по переплетениям сосудов и вен. В иные минуты ему представля-

лось, что город и сам движется – незаметно, но уверенно и основательно; движется, обгоняя бег облаков и течение Эльбы, и каменные церкви, словно огромные корабли, плывут среди черепичных волн, и длинные серые тени почтительно следуют за ними, цепляясь за жестяные карнизы домов, заглядывая в распахнутые окна, утопая в узких, заваленных хламом проулках, задевая маленькие палисадники и тонкие ветви фруктовых деревьев, угловые статуи и каменные завитки крыш...

– Петер! – крикнул Хойзингер, высовываясь из окна. – Видишь колокольню Святого Ульриха? Держи теперь прямо на нее, никуда не сворачивай. А возле Андреасова трактира, там, где каменная голова над входом, сразу забирай влево, на Широкий тракт. Да смотри, болван, не ошибись, иначе потом полдня потеряем...

За окном кареты проплывали дома, тени ложились на пыльную мостовую. Под звук барабанной дроби промаршировали мимо солдаты в кожаных колетах¹⁴ и нечищенных стальных шлемах, с бело-зелеными лоскутами, нашитыми на рукаве. Глядя на них, Хоффман вдруг вспомнил, как впервые оказался в Магдебурге. Сколько лет ему тогда было? Одиннадцать? Или, может, уже двенадцать? Неважно, впрочем... Отец, которому надо было навеститься в столицу по какому-то делу – кажется, речь шла о тяжбе из-за небольшого участка земли, отошедшего Кленхейму в правление архи-

¹⁴ Колет – мужская короткая приталенная куртка без рукавов.

епископа Иоганна, – решил взять маленького Карла с собой, чтобы показать ему город.

Столько лет прошло, и многое стерлось из памяти. И все же Хоффман хорошо запомнил тот день. Это было весной, за несколько дней до Вербного воскресенья. Земля была сырой и холодной после зимы, и голые ветви деревьев царапали низкое небо. Они с отцом шли по стене Княжьего вала на юг, в сторону бастиона Гебхардта, туда, где полукругом выстроилось с полдюжины чугунных пушек и где на высоком флагштоке развевалось бело-зеленое знамя с изображением Магдебургской Девы¹⁵.

Стражники грелись возле жаровен с углями, ветер лениво трепал пестрое фазанье перо на бархатной шляпе отца.

– Смотри, Карл, – говорил Георг Хоффман, положив свою мягкую ладонь на плечо сына, – смотри и запоминай. Видишь, вон там? – и он указал рукою куда-то на север, где над крышами домов поднимались две острые каменные башни с позолоченными верхушками. – Это церковь Святой Екатерины, твоего деда крестили в ней. А вот это – церковь Святого Иоганна, одна из самых старых в городе. Несколько раз она сгорала дотла, и каждый раз ее возводили вновь. Сам Лютер проповедовал здесь...

Они медленно шли по крепостной стене, и отец продолжал говорить. Он рассказывал о зданиях на площади Старого рынка, принадлежащих торговому и ремесленным гильди-

¹⁵ Магдебургская Дева – символ Магдебурга.

ям; о магдебургском монетном дворе, где город вот уже много лет чеканит собственную монету; о диковинных часах на башне городской ратуши, которые отмечают не только время дня, но и месяц и положение небесных светил. Он говорил об Улице Золотых Мастеров, где селятся самые богатые семейства города; говорил о страшном пожаре тысяча двести седьмого года, уничтожившем большую часть Магдебурга и старый собор¹⁶; о наводнении, случившемся двадцать лет назад и затопившем городские предместья...

Они шли, и маленький Карл Хоффман с любопытством смотрел, как внизу, за зубцами стены, вращаются черные лопасти водяных мельниц и люди суетятся на пристани, встречая прибывающие корабли.

– Что это? – спросил он, указывая пальцем на большой остров посреди течения Эльбы.

– Это? – переспросил отец. – Это остров Вердер. Здесь плотогоны выгружают и сушат бревна, которые пригоняют в Магдебург на продажу. А еще здесь селятся нищие и всякий сброд, которому не нашлось места в городских стенах. Дрянное место...

Бургомистр провел рукой по глазам. Воспоминания об отце давно уже не печалили его. И все же сейчас от них осталось какое-то неприятное, тягостное чувство, от которого немедля хотелось избавиться, стереть, словно засохшее пят-

¹⁶ Собор Святых Морица и Екатерины – кафедральный собор Магдебурга, старейший готический собор Германии.

но на одежде. Или, быть может, всему виной его нынешняя усталость – усталость, вызванная долгой и тяжелой дорогой? Впрочем, ехать им оставалось уже недолго. Карета свернула в узенький переулок и минуту спустя остановилась перед домом советника фон Майера – высоким, в три этажа, зданием, со стенами, увитыми зеленым плющом, и маленьким круглым окошком под самой крышей.

На башне церкви Святого Себастьяна ударил колокол, и следом за ним – словно подхватывая этот тягучий, медленный звук, не давая ему растаять в осеннем воздухе, – радостно и звонко зазвонили большие ратушные часы.

Был полдень.

Глава 2

Увидев гостей, Готлиб фон Майер изобразил на своем морщинистом брюзгливом лице подобие улыбки, а затем предложил вместе отобедать.

– Я не ожидал вашего визита, – сказал он, усаживаясь за стол. – Должен предупредить, чтобы больше вы подобным образом не поступали. Если есть необходимость увидеть меня, то прежде следует извещать моего секретаря и уже через него договариваться о встрече.

Он пододвинул ближе суповую тарелку, а затем продолжил немного приветливее:

– Не принимайте это правило исключительно на свой счет, господа. Я вынужден так поступать, чтобы хоть немного оградить себя от просителей, желающих устраивать собственные дела в обход принятого порядка, а также от попрошайек и прочего сброда, что постоянно досаждают мне. К чему объяснять? Любая община – что Кленхейм, что Магдебург – устроена одинаково.

Фон Майер зачерпнул ложкой немного супа, сделал глоток из посеребренной пивной кружки.

– Скажите мне, Карл, как поживает ваша семья?

– Господь милостив, – ответил Хоффман. – Все хорошо.

– Я помню вашу дочь – тихая, послушная девочка. Сразу видно, дочь достойных родителей.

— Грета выросла, — улыбнулся Хоффман. — Мы с женой уже готовим ей приданое.

— Да, конечно, — рассеянно кивнул советник. — Признаться, я всегда завидовал вам, Карл. Нам с Августиной Господь так и не дал детей. Я все испробовал. Даже относил подношения в монастырь Святой Девы, хоть мы и не католики. У моего отца было трое сыновей и две дочери, а я состарился бездетным. Грета ведь ваша единственная дочь?

— Грета младшая. У нее было два брата. Они умерли от оспы, еще детьми.

Фон Майер вздохнул:

— Божье наказание, нет ничего хуже... Я помню, как в дни моей молодости здесь, в Магдебурге, началась чума. Выми-
рали целые улицы, сторожа не успевали оттаскивать и сжи-
гать трупы. Не представляю, что станет с городом, если
мор начнет сейчас... Однако довольно пустых разговоров.
Зачем вы пришли ко мне?

Гости переглянулись.

— Дело вот в чем, — откашлявшись, начал Хоффман. — Вы
знаете, что у нас заключено несколько контрактов на постав-
ку свечей со здешними скупщиками. До недавнего времени
все шло хорошо — настолько, насколько может идти во время
войны. Но с некоторых пор они совсем перестали платить.
За прошедшие несколько месяцев Кленхейм не получил от
них ничего. Ни единого крейцера за десять ящиков превос-
ходных свечей. Мы пытались решить дело миром, но...

– Довольно, – жестом остановил его советник. – Дальнейшее мне понятно. У вас есть при себе расписки?

Хойзингер достал из-за пазухи узкий кожаный футляр, в котором лежали расписки, и протянул его фон Майеру.

– Браун, Альтхофер, Шредер... – бормотал советник, просматривая один за другим бумажные листки. – Боюсь, господа, мне придется вас огорчить. В ближайшее время вы не сможете получить денег. И я даже не стану заводить об этом разговора в Совете.

– Но почему?! – возмущенно воскликнул Хойзингер. – Неужели нельзя найти управу на нечестных торговцев, которые не желают оплачивать купленный товар? Мы ведь не просим ничего невозможного!

– Сделать ничего нельзя, – равнодушно произнес фон Майер.

– Поймите, Готлиб, – вмешался Хоффман, – Кленхейм всегда исправно платил Магдебургу все подати. С начала войны дела в городе идут неважно, однако мы никогда не жаловались и не просили поблажек. Но сейчас нас оставляют без гроша в кармане!

Фон Майер посмотрел на него с плохо скрываемым раздражением.

– Вы говорите, в Кленхейме дела идут неважно? Так я вам отвечу, что в Магдебурге они идут еще хуже. Поступления, что раньше наполняли нашу казну, сократились в несколько раз. При этом мы все больше и больше должны тратить на

содержание гарнизона, на закупку оружия и пороха, на строительство укреплений. Я уже не говорю о контрибуции в сто пятьдесят тысяч талеров, которую в прошлом году нам пришлось выплатить Валленштайну.

– При чем здесь Кленхейм? – зло осведомился Хойзингер.

– Не перебивайте, – властным жестом остановил его фон Майер. На его безымянном пальце синей каплей блеснул сапфир. – Как я уже сказал вам, Магдебург не в состоянии оплачивать свои расходы. Из-за нехватки денег магистрату приходится брать у гильдий займы. Практически все состоятельные купцы и цеховые мастера являются теперь кредиторами города. В их число входят и Альтхофер, и Браун, и все остальные ваши скупщики. Теперь представьте, как я или кто-либо другой из советников можем потребовать от них погасить долги перед Кленхеймом? Они, разумеется, тут же потребуют, чтобы магистрат расплатился с ними по займам. А город, как я уже говорил, не в состоянии этого сделать. – Он искривил рот в невеселой усмешке. – Выбор у вас невелик, господа: ждать. Ждать и надеяться, что дела в Магдебурге пойдут на поправку – и тогда я первый потребую, чтобы все ваши счета были оплачены. Но до того времени изменить ничего нельзя.

– Мы же не просим ничего у Магдебурга, – сказал Хоффман, – нам нужно только, чтобы с нами рассчитались скупщики. Если это необходимо, мы готовы принять оплату оружием или зерном. Нас связывает давняя дружба, и я наде-

юсь...

– Я ценю нашу дружбу так же, как и вы, – перебил фон Майер. – Но сделать и вправду ничего нельзя. Ни жалоба наместнику, ни мое ходатайство не смогут этого изменить. Вы говорите, Кленхейм может принять оплату зерном? Стоит мне заикнуться об этом в Совете, я немедленно лишусь своего места. В преддверии новой войны – а в том, что эта война вскоре начнется, никто теперь не сомневается – магистрат не может позволить себе сокращать городские запасы.

Он пожевал тонкими бесцветными губами.

– Вам следует понять, господа: Магдебург сейчас точно разорившийся богач – бархат на воротнике, отруби в желудке. Магистрат и городской суд завалены жалобами о взыскании долгов, торговля расшатана, земли вокруг города не возделываются должным образом, крестьяне бегут, опасаясь солдат. С каждым годом война отгрызает от нас все новые и новые куски. И дело не только в этом. Мои позиции в городе слабы, как никогда. Большинство в Совете принадлежит теперь сторонникам Христиана Вильгельма, чьим приверженцем я никогда не был. И потому любая – хоть самая малая – оплошность с моей стороны может очень дорого мне обойтись. Вы, должно быть, уже слышали, что моему брату пришлось покинуть наш город. Я не хочу следовать его примеру.

Фон Майер помолчал, рассеянно смял салфетку в руке.

– Увы, многие члены Совета утратили теперь свое здравомыслие, с ними тяжело находить общий язык. Штайнбек

и Вестфаль призывают к войне на стороне шведов. Алеманн, Бауэрмейстер и Кюльвейн ратуют за то, что городу следует вступить с императором в соглашение...

– Неужели в Магдебурге остались еще люди, которым по нраву правление Фердинанда? – пробормотал Хоффман.

– Представьте себе! – дернул щекой фон Майер. – И знаете, что они говорят?! Что рано или поздно император все равно возьмет над своими противниками верх, а раз так, то следует уже сейчас выторговать выгодные условия мира. Недавно мне удалось побеседовать с господином Кюльвейном на этот счет. Он полагает, что Германии необходима сильная власть монарха, только это убережет Империю от распада и гибели. И поэтому бессмысленно враждовать с Фердинандом, надо искать соглашения с ним. Чудовищный вздор...

Советник отодвинул от себя пустую тарелку.

– Хельга! – позвал он и настойчиво позвонил в колокольчик. – Хельга! Быстрее!

Служанка торопливо вбежала в комнату и остановилась на середине, испуганно глядя на советника.

– Принеси горячие вафли. И передай Томасу, пусть немедленно придет сюда.

– Думаю, вы согласитесь со мной, Готлиб, – осторожно произнес Хоффман, – что некоторое... м-м-м... усиление центральной власти пошло бы Германии на пользу.

– Что вы имеете в виду? – изогнул бровь фон Майер.

– Германия ослаблена войной, ослаблена внутренними распрями. Идея укрепления монаршей власти могла бы стать основой для мирного соглашения между императором и князьями. Разумеется, я никоим образом не оправдываю бесчинства кайзера и его стремление уничтожить евангелистскую церковь. И все же...

Фон Майер посмотрел на него насмешливо.

– Вздор, – сказал он. – Вздор от начала до конца. Вы рассуждаете так же, как и некоторые умники при мадридском и парижском дворах, которые презрительно именуют Германию «лоскутным одеялом», ставя ей в упрек выборность кайзера и широкие права имперских сословий. Запомните, Карл: в отличие от многих иных европейских монархий, чья целостность и могущество основаны исключительно на военной силе и которые обратятся в ничто, едва только эта военная сила ослабнет, – так вот, в отличие от них Империя основана на законе, законе и традиции, складывавшейся веками. Закон – вот что объединяет всех нас! Вспомните о «Каролине», Уголовном кодексе императора Карла Пятого; об имперском матрикуле тысяча пятьсот двадцать первого года; о Золотой булле, о целом ряде иных законов и соглашений, включая Аугсбургский мирный трактат. Вспомните также о германском городском праве – магдебургском, любекском и так далее, по всей Европе принятом за образец.

В комнату неслышно вошел широкоплечий Томас. Он встал у двери, молча ожидая, пока советник обратит на него

внимание. Хельга поставила на стол блюдо с дымящимися вафлями.

– Германия – это союз государств, подчинивших себя единому праву и признающих кайзера не как самодержавного властелина, вольного делать все, что ему заблагорассудится, но как защитника мира и справедливости, – продолжал фон Майер, не замечая вошедшего слуги. – Именно поэтому власть императора ограничена целым сонмом правил и установлений. Курфюрсты избирают его, и при вступлении на престол он приносит клятву – избирательную капитуляцию, как принято ее называть, – о том, что будет чтить права сословий и не будет предпринимать действий, могущих нанести им какой-либо вред. Кайзер не вправе принимать законы без одобрения рейхстага, не вправе вмешиваться во внутреннее дела княжеств и городов, не вправе передавать свой трон по праву наследования. И если случится так, что он совершит в отношении кого-либо из своих подданных несправедливость, то действия его могут быть обжалованы в имперском суде¹⁷. Скажите, друг мой, в каких еще государствах Европы вы найдете подобный суд, олицетворяющий верховенство закона, неподвластный капризам монарха?! Задумайтесь, Карл. В Империи никогда не было сильной центральной власти, наподобие той, которая существует ныне в Королевстве испанском. Здесь никогда не было столицы, не было по-

¹⁷ Имперский суд – высший судебный орган Священной Римской империи, учрежденный в рамках имперской реформы 1495 г.

стоянного королевского домена, не было династии, которая царствовала бы дольше, чем пару веков. В Германии не было сильной центральной власти. Но разве это помешало ей достигнуть величия? Разве богатство наших земель не превосходит богатства Англии или Кастилии? Разве германские соборы и церкви уступают своим великолепием соборам Парижа и Реймса? Разве наши ремесла, торговля, земледелие и горное дело не были с давних времен образцом для всех других государств? Германия никогда не терпела над собой самодержцев, и ни один из ее правителей никогда не обладал абсолютной властью. И именно благодаря этому германские земли могли накапливать богатства, не опасаясь, что какой-нибудь коронованный идиот пустит их по ветру.

В этот момент стоявший у дверей Томас чуть слышно кашлянул, чтобы привлечь внимание советника.

– Ты уже здесь? – обратился к нему фон Майер. – Хорошо. Отправляйся к господину Гернбаху и передай ему, чтобы он немедля явился сюда и захватил с собой бумаги, о которых мы говорили вчера. Ты все понял? Ступай.

Томас ушел. Советник рассеянно ткнул двузубой вилкой горячую вафлю и снова повернулся к гостям:

– Так вот, возвращаясь к вашим словам по поводу центральной власти. Вы не задумывались, Карл, что сильная власть монарха может принести государству куда больше вреда, нежели пользы? Присмотритесь к тому, что происходит сейчас в Испании. Тамошних королей ни у кого не по-

вернется язык назвать бедняками, не так ли? Среди остальных государей Европы они – сущие богачи, вольные распоряжаться не только золотом Индий, но и богатствами Италии, Португалии и Нидерландов; в их карманы притекают доходы от невольничьей торговли в Африке и торговли специями из Гоа. Черт возьми, хотел бы я, чтобы кому-то из рода фон Майеров удалось окунуть в эту золотую реку хотя бы мизинец... Как же их католические величества поступают со всеми этими несметными богатствами, которых, по моему разумению, было бы достаточно, чтобы половину Европы превратить в рай на земле? Войны, бесконечные войны! Ничего больше! Война против Нидерландов, против Англии, против французского короля, наем солдат, снаряжение военных флотов, строительство крепостей, осады, сражения, и так без конца... То, что не съедает война, уходит на содержание королевского двора и подношения церкви. И всё! От несметных сокровищ не остается даже истертого медяка, и в результате Мадриду приходится брать займы у генуэзских и лиссабонских банкиров. Это ли не пример глупого, преступного расточительства? Для чего же нужна сильная королевская власть, которая только и делает, что уничтожает богатства своих подданных, а их самих заставляет гибнуть на полях бесконечных войн? Разве эта власть не губительна для страны?

Впрочем, все эти пороки, о которых я сказал только что, присущи не только правителям Испании, но и монархам лю-

бой другой земли. Видно, так уж устроен мир... Взгляните, к примеру, на нашего наместника, Христиана Вильгельма. Не прошло еще и пары месяцев с тех пор, как он возвратился из своего изгнания, а его голова уже только тем и занята, что приготовлениями к войне против католиков. Дела Магдебурга и всех окрестных земель его не интересуют. Его не интересует содержание приютов или восстановление мельниц, сожженных в прошлом году солдатами Валленштайна; его не интересует, что магистрату надо пополнять запасы зерна перед наступлением зимы и обеспечивать порядок на городских улицах. Его интересует лишь одно: как выцедить из нас побольше денег на закупку оружия и наем солдат. Что ж... Герцогам и королям во все времена не доставляло никакого удовольствия заниматься развитием ремесел и торговли, их мало волнует починка дорог или содержание школ. Дела городов интересуют их лишь постольку, поскольку те являются для них источником денег. Война и присоединение новых земель – вот в чем они видят смысл своего правления, вот те деяния, при помощи которых они желают увековечить собственные имена. Даже на портретах – вы замечали? – они предпочитают красоваться в доспехах и при оружии... Ручаюсь, что, если королям Франции или Англии удастся достигнуть той же власти, которой обладают ныне испанские Габсбурги, они втянут свои народы в череду завоевательных войн. Точно так же поступит и кайзер – или кто-то из его потомков, – если ему удастся подчинить себе германские со-

словия и заставить их повиноваться собственной воле.

В комнату вошла Хельга.

– Пришел господин Гернбах, – робко произнесла она.

Фон Майер кивнул ей и поднялся из-за стола.

– Я отправляюсь во дворец, – сказал он гостям. – Вы будете меня сопровождать.

Заметив недоуменный взгляд Хоффмана, он пояснил:

– Я не могу разрешить вашего денежного затруднения, господа. Однако мне не хотелось бы, чтобы ваш приезд в Магдебург завершился ничем. Вы сможете присутствовать на заседании у наместника, Клаус проведет вас туда. Думаю, это будет для вас полезным и на многое откроет глаза. Хельга!

– Да, господин советник?

– Приготовьте камзол. И передайте Томасу, чтобы он вместе с господином Гернбахом дожидался меня в прихожей. Мы отправляемся через четверть часа.

* * *

Каким ярким и праздничным выглядел Магдебург, залитый прощальным сентябрьским солнцем! Улицы города как будто сделались уютней и чище, витражные окна в церквях вспыхивали алыми, синими и золотыми огнями, ветер шелестел в густых кронах лип. Дома, выстроившиеся по обеим сторонам Широкого тракта, сменяли друг друга, как сме-

няют друг друга картинки в книжке. Вот дом со свинцовой крышей и гладкими стенами, бледно-голубыми, словно расцветное небо; вслед за ним – медные купола на колокольне церкви Святого Себастьяна; трактир с затейливой угловой башенкой; углы и эркеры, витые лестницы и деревянные галереи вдоль стен, внимательно-любопытные глаза окон, позолоченные копыя решеток...

Фон Майер шел, опираясь на тяжелую трость, и идущие навстречу люди почтительно ему кланялись.

– Простите, Готлиб, но я думаю, что нам все же не следует появляться во дворце, – сказал Хоффман, когда они повернули с Широкого тракта на улицу Святого Креста. – Собрания подобного рода...

– На сей счет можете не беспокоиться, на вас никто не обратит внимания, – усмехнулся фон Майер. – Его Высочество позвал во дворец всех, кого только мог позвать, – офицеров гарнизона, гильдейских старшин, судей, пасторов и квартальных смотрителей. Для полноты картины ему еще стоило пригласить туда ночных сторожей, карманников и уличных шлюх. Все это спектакль. Христиан Вильгельм не уверен, что Совет одобрит заключение союза со Швецией. Даже его сторонники – наподобие бургомистра Браунса – сомневаются в том, что Магдебургу сейчас следует открыто выступать на стороне шведов.

– Я не совсем понимаю вас, Готлиб. Разве союз с королем Густавом еще не заключен?

– Христиан Вильгельм заключил его от своего имени, как наместник Магдебургского архиепископства. Наш город не присоединялся к этому договору. И даст бог, не присоединится к нему никогда... Намерения Густава Адольфа неизвестны. Глупо думать, что он хочет заключить с нами союз только ради того, чтобы прийти городу на помощь и избавить нас от новых нападений католиков. Боюсь, что все обстоит совсем по-другому. Союз нужен ему лишь для того, чтобы Магдебург сделался его опорной базой в Германии и в случае неблагоприятного развития событий принял на себя удар императорских войск. Христиан Вильгельм видит наши сомнения. А раз так – решил позвать на заседание как можно большее число своих сторонников, чтобы лишний раз напомнить Совету, какой поддержкой он пользуется в Магдебурге. Умный ход... Люди ненавидят кайзера, ненавидят католических попов, боятся нового появления имперских солдат под нашими стенами. В церквях проклинают имя Фердинанда. Многие верят в то, что наместник наконец-то избавит нас от бедствий войны и очистит здешние земли от имперских отрядов. Даже мой собственный секретарь считает, что Христиан Вильгельм сумеет вернуть нашему городу процветание. Не правда ли, Клаус?

– В трудные времена людям необходим тот, кто может объединить их и повести за собой, – с улыбкой ответил Клаус Гернбах. – Именно так поступали римляне, избиравшие себе диктатора в годы войны.

– Римляне? – переспросил фон Майер. – Магдебург – не Рим. Мы сами способны вести свои дела, не вручая полноты власти напыщенному аристократу. Напомни мне, где был Христиан Вильгельм в прошлом году, когда под нашими стенами стояла армия Валленштайна? Сидел в Стокгольме, при дворе своего венценосного покровителя. Мы не ждали от него помощи и сами сумели избавиться от присутствия императорских войск, хотя для этого и потребовалось посредничество Ганзы и выплата немаленькой контрибуции. Ты еще слишком молод, Клаус, и поэтому продолжаешь верить громким титулам и столь же громким словам. Между тем все это мишура. Удел аристократов – это интриги, война и бессмысленные развлечения вроде балов или псовой охоты. Нельзя верить в их руки свою судьбу. Его Высочество не покровитель нашего города. Он всего лишь приспешник Густава Адольфа и служит только его интересам. Что выиграет Магдебург, если тиранию кайзера мы променяем на тиранию шведского короля?

Минуту спустя они вышли на площадь Нового рынка. Площадь была открытой и светлой, словно озеро. Высокие нарядные дома окружали ее со всех сторон, в противоположном конце высилась темная громада собора. Каменный великан молча смотрел, как у его ног копошатся похожие на муравьев люди.

– Магистрат по-прежнему разрешает проводить здесь католические богослужения, – неодобрительно заметил фон

Майер. – Нельзя делать католикам таких поблажек, я всегда высказывался против этого. В католических землях евангелистов жестоко преследуют, так зачем же нам идти на уступки?!

Трость фон Майера глухо стучала по камням мостовой. Хоффман протер платком взмокшее от пота лицо – он давно уже отвык от длительных пеших прогулок.

Архиепископский дворец, куда они направлялись, располагался чуть в стороне от собора. Это было красивое трехэтажное здание со свинцовой крышей и белыми стенами, чуть потемневшими от времени. Над центральной частью дворца развевались флаги с изображениями Магдебургской Девы и красного Бранденбургского орла¹⁸. Крышу венчал золотой ангел, сжимающий в тонких руках крест.

– Я до сих пор не понимаю, почему люди по-прежнему называют этот дворец архиепископским, – на ходу говорил фон Майер. – Еще в прошлом веке наши правители, Гогенцоллерны, отказались от титула архиепископа и вместо этого начали именовать себя наместниками. Ты помнишь, когда это произошло, Клаус?

– Если не ошибаюсь, – с готовностью отозвался молодой человек, – это случилось в правление отца нашего наместника, Иоахима Фридриха. Он посчитал, что титул архиеписко-

¹⁸ Красный орел – символ Бранденбургского княжества. Правители Бранденбурга на протяжении длительного времени были архиепископами, а затем, после перехода в лютеранство, – наместниками Магдебургского архиепископства.

па мало подходит принцу евангелистского вероисповедания.

– Видите, Карл, какая прекрасная память? – усмехнувшись, сказал советник, поворачиваясь к Хоффману. – Что ни говори, а секретарь мне попался весьма толковый. И раз ты такой умник, Клаус, может быть, скажешь нам, какого черта Иоахим Фридрих не переименовал свое обиталище?

– Этого я не знаю, господин советник. Но могу высказать одно предположение. Дело в том, что архиепископ Фридрих – тот, по чьему приказу дворец был построен, – при строительстве решил увековечить память всех своих тридцати восьми предшественников. Видите? – он указал рукой на фасад. – Здесь тридцать восемь ниш, и в каждой по мраморной статуе. Все архиепископы Магдебурга, от Адальберта Святого и Гизельмара до Отто Гессенского и...

– Довольно перечислять имена, Клаус, – недовольно прервал его фон Майер. – Говори по делу.

– Простите, господин советник. Я только хотел сказать, что – по моему мнению – именно из-за этих статуй дворец и сохранил свое прежнее имя. И, должно быть, сохранит его впредь.

Они уже пересекли площадь, и огромная тень собора опустилась на них, подобно дождевой туче.

– Любопытно... – покосился на молодого человека советник. – Может быть, ты и прав. Впрочем, это неважно. Мы уже пришли, господа. Скоро я вынужден буду вас оставить – перед началом заседания мне необходимо переговорить кое

с кем. Следуйте за Клаусом и делайте все, что он скажет.

Глава 3

Миновав нижнюю галерею дворца, они вошли внутрь. Привратник в расшитом серебряной нитью камзоле учтиво поклонился фон Майеру, тот ответил коротким кивком.

Дальше была широкая лестница, ведущая наверх, и длинный, заполненный людьми коридор; замершие у дверей часовые и гладкие сияющие зеркала; бронзовые светильники и гербы, сменяющие друг друга на обшитых мягкой тканью стенах: Магдебургская Дева соседствовала здесь с белыми башнями Хафельберга, золотой волк Лебуса – с ключом и кинжалом Наумбурга, звезды и алый полумесяц Галле – с мерзебургским черным крестом¹⁹.

Фон Майер скрылся в одной из боковых комнат, и они потеряли его из виду.

– Пожалуйста, следуйте за мной и ни с кем не заговаривайте по дороге, – негромко произнес Клаус Гернбах. – На всякий случай, если кто-то вдруг спросит вас, запомните – вы позавчера прибыли из Гамбурга, а во дворец явились по личному распоряжению господина советника.

– Мы еще сможем поговорить с ним сегодня? – спросил на ходу Хоффман.

– Не раньше чем все закончится. Сюда, прошу вас.

¹⁹ Хафельберг, Лебус, Наумбург, Галле, Мерзебург – города, в разное время входившие в состав Магдебургского архиепископства.

Несколько минут спустя они оказались в просторной зале с тремя огромными, почти во всю ширину стены, окнами и высоким сводчатым потолком.

– Зала приемов, – шепнул Хоффману секретарь. – Пожалуйста, найдите себе место на одной из задних скамей. Скоро я к вам присоединюсь.

Зала приемов могла вместить в себя по меньшей мере две сотни человек. Длинный, на резных тяжелых ногах стол – в центре, небольшие столы для секретарей и писцов – по сторонам. Стены здесь были обшиты темным полированным деревом, в дальнем конце располагался большой мраморный камин, который не топили по случаю теплой погоды. Хоффмана, который был во дворце впервые, поразила висевшая под потолком огромная люстра в форме трехмачтового парусного корабля.

Зал медленно заполнялся людьми. Здесь были чиновники магистрата с толстыми grossбухами под мышкой, пасторы в строгих черных одеждах, квартальные смотрители, гарнизонные офицеры, помощники, счетоводы, писцы и многие прочие. Секретари раскладывали перед собой стопки бумаги и гусиные перья. Члены городского совета – каждого из них можно было узнать по массивной золотой цепи, висящей поверх камзола темного бархата, – занимали свои места за центральным столом.

Внезапно шум голосов стал стихать – в залу вошел человек в потертом кожаном колете и с длинной шпагой на золо-

ченой перевязи. Он шел, ни на кого не глядя, на ходу снимая перчатки. Проходя мимо окна, отрывисто бросил:

– Раздвинуть шторы.

Несколько служителей бросились исполнять приказание. При помощи длинных шестов они раздвинули тяжелые портьеры пошире, и полутемная зала до самых уголков наполнилась мягким солнечным светом. Человек в кожаном колете прошел дальше и занял место по правую сторону стола, недалеко от кресла наместника.

– Это фон Фалькенберг, посланник короля Густава²⁰, – наклонившись к плечу Хоффмана, шепнул подошедший Гернбах. – Говорят, он несколько лет состоял гофмейстером при дворе королевы-матери... Влиятельный человек...

В присутствии фон Фалькенберга разговоры сделались тише. Свежий ветер шевелил на столе бумаги, в колбах песочных часов пересыпались крохотные крупинки песка. Члены городского совета еле слышно переговаривались друг с другом, время от времени подзывая к себе секретарей или слуг, отдавая короткие распоряжения. Давид фон Лентке занимался чтением писем, советник Ратценхофер дремал, устало прикрыв глаза, его сосед – Готлиб фон Майер – делал пометки в маленьком, переплетенном кожей блокноте.

Прошло по меньшей мере еще четверть часа, прежде чем двустворчатые двери широко распахнулись, ударили в

²⁰ Дитрих фон Фалькенберг (1580–1631) – офицер и доверенное лицо шведского короля Густава Адольфа.

пол алебарды стражников и церемониймейстер торжественно объявил: «Его Высочество наместник Магдебургского архиепископства принц Христиан Вильгельм Гогенцоллерн!»

Все встали со своих мест и почтительно склонили головы.

Христиан Вильгельм, седьмой сын курфюрста Бранденбурга и регента Пруссии Иоахима Фридриха, наместник и законный правитель Магдебургского архиепископства и всех относящихся к нему городов и земель, выглядел моложе своих сорока трех лет. Изящно завитые волосы, каштановая борода, доброжелательный взгляд. Пуговицы на его бархатном, травяного цвета камзоле были украшены небольшими рубинами, белоснежное, тонкой работы кружево легло по плечам.

– Приветствую вас, господа, приветствую, – снисходительно улыбнулся он, устраиваясь в кресле и делая остальным знак садиться. – Мы рады видеть вас всех. Вас, господин Шмидт...

Бургомистр Шмидт ответил на приветствие почтительным наклоном головы.

– ...вас, господин Браунс...

Бургомистр Браунс привстал со своего места, тронув рукой висящую на груди тяжелую золотую цепь.

– ...вас, господин Кюльвейн...

Бургомистр Кюльвейн ответил наместнику едва заметным кивком.

– ...и вас, господин Вестфаль.

Бургомистр Вестфаль улыбнулся, провел пальцами по грустой седой бороде. Внимание принца льстило ему.

– Мы также рады приветствовать здесь членов магдебургского городского совета, – продолжал Его Высочество, стягивая с руки тонкую замшевую перчатку. – Городского казначея господина фон Лентке, советников Штайнбека, Бауэрмейстера, Ратценхофера, Брювитца, фон Герике²¹ и Алеманна, а также всех остальных, кто находится сейчас в этой зале. Надеемся, что наше сегодняшнее собрание пройдет с пользой.

Советника фон Майера наместник по имени не назвал и даже не посмотрел в его сторону.

В зале царила почтительная тишина. Телохранители принца в блестящих, украшенных позолотой кирасах замерли у дверей. Иоганн Сталманн, личный секретарь Христиана Вильгельма, перекладывал бумаги в черной кожаной папке.

– Перейдем к делу. Всем вам известно, что мы, Христиан Вильгельм, заключили с королем Швеции Густавом Адольфом Вазой военный союз во имя совместной борьбы против войск императора и Католической лиги²². Мы заключили этот союз не ради завоеваний и нового кровопролития,

²¹ Отто фон Герике (1602–1686) – член магдебургского городского совета, впоследствии – бургомистр Магдебурга. Выдающийся физик, инженер и философ, занимался изучением свойств вакуума.

²² Католическая лига – объединение католических княжеств Германии, созданное в 1609 г. Войска Католической лиги сыграли ключевую роль в ходе Тридцатилетней войны. По условиям Пражского мира 1635 г. Лига была распущена.

а с тем лишь, чтобы восстановить в наших наследственных землях мир и порядок, беспричинно нарушенные солдатами кайзера. Такова наша цель и таковы наши истинные намерения. Недоброжелатели обвиняют нас в том, что, прибегнув к помощи Швеции, мы изменили своему долгу и нарушили законы Империи. Эти обвинения мы полностью отвергаем. Преступления, совершенные Фердинандом из рода Габсбургов, лишают его права называть себя императором немцев и освобождают его подданных от уз верности и почтения. Стремление кайзера уничтожить лютеранскую церковь делает его заклятым врагом всех истинных христиан. Его презрение к обычаям и законам не оставляет нам иного способа защиты, кроме вооруженной борьбы. И если в развязанной им войне Фердинанд прибег к помощи иностранного государя, разве это не дает такого же права и имперским князьям?

Иоганн Сталманн бесшумно подошел к наместнику и что-то прошептал ему на ухо. Христиан Вильгельм отрицательно качнул головой, и секретарь, почтительно поклонившись, возвратился на свое место.

— Союз с королем Густавом заключен. Однако Магдебург до сих пор не присоединился к нему. Мы чтим городские вольности и не намерены проводить политику, которая не находит одобрения наших подданных. Не говоря уже о том, что без поддержки Магдебурга, столицы и главной жемчужины наших владений, договор со Швецией останется не более чем пустой буквой. И посему мы, ваш князь и законный

властитель, обращаемся к вам с призывом присоединиться к этому союзу и оказать ему всемерную поддержку – деньгами, оружием и людьми.

Завершив свою речь, Христиан Вильгельм откинулся на высокую спинку кресла, опустив левую руку на подлокотник.

В зале снова сделалось очень тихо. С улицы доносились крики торговцев, стук тележных колес, беспокойное гусиное гаканье. Готлиб фон Майер, вырвав из блокнота исписанную страницу, сложил ее пополам и передал советнику Брювиту. Мартин Бауэрмейстер закашлялся и прижал к губам белый платок.

– Что скажет городской совет? – осведомился наместник, поглаживая каштановую бородку.

Четверо бургомистров, сидящих напротив него, переглянулись.

– Ваше Высочество, – после некоторой паузы произнес Мартин Браунс, – мы с большой надеждой и радостью наблюдаем за военными успехами шведского короля. Густав Адольф – правитель не только решительный, но и дальновидный, и, видит Бог, среди всех христианских государей Европы мы не сумели бы найти союзника лучше. Вместе с тем многие из нас сомневаются в том, что Магдебургу стоит открыто присоединяться к союзу с ним. Мы не понаслышке знаем, что такое императорский гнев, что такое долгая, изнуряющая осада. Вам, конечно же, известно, Ваше Высочество, какие усилия нам пришлось приложить, какое дипло-

матическое искусство потребовалось для того, чтобы герцог Валленштайн отвел свою армию от городских стен и прекратил разорять наши земли. Магдебург еще не оправился от ран, нанесенных ему. Сейчас он не обладает ни деньгами, ни силой, чтобы бросать вызов императору. Мы готовы оказать вам и королю Густаву любую поддержку, если это будет в наших силах. Но открытый союз между нами неизбежно приведет к новой войне. И эта война станет для города гибелью.

Браунс умолк, ожидая, что скажут другие советники.

Между бровями принца пролегла недовольная складка. Заметив это, Иоганн Вестфаль чуть подался вперед.

– Позволю себе не согласиться с моим уважаемым собратом, – начал он. – Речь идет о том, что шведский король готов предоставить Магдебургу защиту от католических армий. Защиту, которая всем нам жизненно необходима. Можем ли мы отказаться от этой помощи, будет ли это разумным шагом? Нет и еще раз нет. С самого начала войны наш город держался нейтралитета. Мы не выступали на стороне противников императора Фердинанда, не поднимали оружие против его власти. В награду за это мы получили Реституционный эдикт и солдатские грабежи. Нас вынудили – против воли – признать своим правителем принца Леопольда, который за все это время ни разу не соблаговолил посетить наш город. Нас заставили отослать в Страговский монастырь Праги мощи святого Норберта²³ – реликвию, которая при-

²³ Святой Норберт Ксантенский (1080–1134) – католический святой, основа-

надлежала нам несколько сот лет, и принадлежала по праву, коль скоро святой Норберт был в свое время архиепископом Магдебурга и именно здесь обрел свой последний приют. Чем большую уступчивость мы проявляли, тем сильнее возрастали притязания кайзера, тем сильнее становилась его нетерпимость к нам. Увы, за последние несколько лет мы не раз имели возможность убедиться, что император – заклятый враг нашего города. Враг, мечтающий лишь о том, чтобы силой или хитростью подчинить Магдебург собственной власти, лишить его исконных свобод, навязать католическое вероисповедание. Следует смотреть правде в глаза, господа: кайзер ненавидит наш город. Мы не сможем выстоять против него в одиночку.

Слова бургомистра были встречены одобрительным гулом. Перья секретарей скрипели по белой бумаге, холодный ветер упрямо тыкался в тяжелый бархат портьер.

– Мы произнесли уже много слов, но ни на шаг не приблизились к сути, – раздался неприязненный, дребезжащий голос Георга Кюльвейна²⁴. – Нам предлагают союз с королем Швеции. При этом мы не знаем, какую именно поддержку король готов оказать нашему городу и что он хочет получить взамен. Как можно судить о выгодах и недостатках союза, не зная намерений своего будущего союзника, не представляя

тель ордена премонстрантов. С 1126 по 1134 г. был архиепископом Магдебурга.

²⁴ Георг Кюльвейн (1590–1656) – бургомистр Магдебурга, один из лидеров проимперской партии в магдебургском городском совете.

себе его требований и условий?

Иоганн Сталманн выступил из-за спины наместника, подошел ближе к столу.

– Условия соглашения были направлены многоуважаемым членам городского совета еще в конце минувшей недели, – с мягким укором произнес он. – Полагаю, времени было достаточно, чтобы...

– Разумеется, каждый из нас получил бумагу из канцелярии Его Высочества, заверенную подписью господина Сталманна, – сухо перебил Кюльвейн. – Однако союз, о котором идет речь, нам предлагают заключить с королем Швеции, а вовсе не с вами, господин секретарь. Вы не несете ответственности за содержание этой бумаги, а раз так – ваша подпись под ней не имеет никакого значения. Условия союза со Швецией должен объявить представитель шведского короля – тем более что представитель этот сейчас находится с нами за одним столом.

Бургомистр Кюльвейн в упор посмотрел на сидящего напротив Дитриха фон Фалькенберга, но тот будто и не заметил его взгляда. Давид фон Лентке что-то шепнул на ухо своему соседу, советнику Штайнбеку. Бургомистр Браунс, морщась, пытался ослабить накрахмаленный воротник, давящий жирную шею.

– Полагаю, вы закончили, господин Кюльвейн? – холодно поинтересовался наместник, постукивая кончиками пальцев по крышке стола. – Прекрасно. Нам очень жаль, господа,

что не все из вас должным образом подготовились к сегодняшнему собранию. Впрочем, эту помеху легко устранить. Мы имеем честь представить вам Дитриха фон Фалькенберга – личного посланника Густава Адольфа в землях Империи, уполномоченного вести с германскими чинами переговоры от имени короля и имеющего при себе необходимые верительные грамоты. Полагаю, господин Фалькенберг сумеет ответить на все вопросы. Мы ждем вашего слова, Дитрих.

Фалькенберг поднялся со своего места, шумно прочистил горло.

– Благодарю, Ваше Высочество, – сказал он. – Господа, я не люблю длинных вступлений, а потому перейду сразу к делу. Я прибыл в ваш город по поручению Густава Адольфа Вазы, властителя Швеции, Готов и Вендов, с тем чтобы предложить Магдебургу военный союз. Условия таковы: Его Величество во всеуслышание объявляет себя защитником Магдебурга и гарантом его исконной свободы, в подтверждение чего направляет на усиление городского гарнизона три тысячи солдат и дюжину пушек. Кроме того, король Густав торжественно обещает, что не будет подписывать с императором и князьями Католической лиги мирного соглашения без ведома и согласия магдебургского городского совета. Если же Магдебург подвергнется нападению императорских войск, Его Величество обязуется предпринять все возможное, чтобы отразить вражескую атаку.

– Что же король Густав желает получить взамен? – поин-

тересовался советник Алеманн²⁵.

– Взамен? Первое: город должен предоставить отрядам Его Величества право свободного прохода через свои земли. Второе: разрешить королевским вербовщикам наем солдат и закупку припасов в пределах Магдебурга и на расстоянии одной мили от его крепостных стен. Третье: передать командование городским гарнизоном уполномоченному шведскому офицеру. Кроме того, город должен будет взять на себя обязательство не вступать в переговоры с кем-либо из представителей императора Фердинанда или князей Католической лиги, не известив об этом двор Его Величества.

– Правильно ли я вас понял, господин Фалькенберг, – глухим, простуженным голосом произнес советник Бауэрмейстер, – что король Густав разместит в наших стенах три тысячи своих солдат, которые не будут подчиняться городскому совету?

– Таковы условия короля.

– Весьма интересные условия, – заметил советник Алеманн. – Здесь есть над чем призадуматься, господа. Из уст нашего досточтимого собрата, бургомистра Вестфаля, мы только что слышали, что император угрожает нашей свободе и что в одиночку, без чужой помощи, Магдебург не сумеет себя защитить. Кто-то, возможно, согласится с этим утверждением, а кто-то выскажет слово против. Важно дру-

²⁵ Иоганн Алеманн – один из лидеров проимперской партии в магдебургском городском совете.

гое. Вступая в союз со Швецией, мы вверяем иностранному государю управление собственным гарнизоном и открываем для его армии крепостные ворота. Здесь, в стенах Магдебурга, будет находиться несколько тысяч вооруженных людей, не подчиненных нам и получающих приказы извне. Это ли не истинная угроза нашей свободе?

Фалькенберг чуть наклонился вперед, опершись кулаками о поверхность стола.

– Я не понимаю вашего удивления, господин советник. Даже такому прославленному полководцу, как Густав Адольф, не удастся защитить Магдебург лишь силой своего имени.

– Бесспорно, – качнул седеющей головой Алеманн. – Однако я говорю не об этом. Магдебургская Дева пустит в свои покои северного льва. Но кто поручится, что через какое-то время этот лев не сожрет с потрохами ее саму?

В зале поднялся шум, люди на скамьях начали оживленно переговариваться между собой, уже не стесняясь присутствия наместника и членов Совета. Христиан Вильгельм хмурился все сильнее.

– Ваши слова оскорбительны, советник, – ледяным тоном произнес фон Фалькенберг. – Его Величество протягивает городу руку помощи. Вы же отвечаете на этот рыцарский жест нелепыми и грязными обвинениями.

– Рука в латной перчатке – это еще не рыцарский жест, – возразил Алеманн. – Дипломатия строится на выгоде и рас-

чете, тогда как громкими словами во все времена было принято прикрывать нечестные сделки.

Фалькенберг чуть прищурил глаза, намереваясь ответить советнику, однако вмешался Христиан Вильгельм.

– Оставьте свою перепалку, господа, – резко произнес он. – Мы собрались не для этого. Господин Алеманн, вы принадлежите к весьма уважаемому семейству и избраны в городской совет. Однако не следует забывать, что господин фон Фалькенберг представляет здесь одного из первых государей Европы. Это обязывает нас относиться к нему с должным почтением и тщательно взвешивать те слова, которые мы намереваемся произнести.

– Вы, безусловно, правы, Ваше Высочество, – пряча под усами улыбку, ответил советник.

– Что же касается вас, Дитрих, – наместник перевел взгляд на фон Фалькенберга, – то мы благодарим вас за те сведения, которые вы нам сообщили. Скажите, как скоро король Швеции сможет прислать солдат для укрепления городского гарнизона?

Фалькенберг поправил рукой жесткую перевязь на груди.

– Дороги между Магдебургом и лагерем Его Величества еще не свободны от католических войск. Это осложняет дело. Я полагаю, что королевские солдаты придут в Магдебург не позднее Дня святого Луки. При условии, разумеется, – угол его рта презрительно дернулся, – что городской совет соблаговолит открыть перед ними ворота.

Христиан Вильгельм удовлетворенно качнул головой:

– Благодарим вас, Дитрих.

Посланник сел на свое место, лязгнув длинными стальными ножами по каменным плитам пола.

– Ваше Высочество, – осторожно произнес Георг Шмидт, до той поры не принимавший участия в разговоре, – думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что большинство жителей нашего города являются сторонниками союза со Швецией. Король Густав – наш единоведец. У нас нет никаких причин сомневаться в искренности и благородстве его намерений. Однако до сих пор ни одно из княжеств Империи не заключило со шведами договора. Ни Гессен, ни Вюртемберг, ни Саксония, ни кто-либо еще. Даже Георг Вильгельм, бранденбургский курфюрст, который вам, Ваше Высочество, приходится родным племянником, отказывается пропускать армию короля через свои земли и закрывает перед ним ворота собственных крепостей. Буду откровенен, Ваше Высочество: подобная нерешительность весьма угрожает всех нас. Если даже самые могущественные протестантские государства Империи, с их многотысячными армиями и богатой казной, не решаются выступить на стороне Швеции, что же тогда может сделать наш город? Мы, безо всяких сомнений, присоединились бы к союзу с королем Густавом, если бы были уверены, что союз этот прочен и не рассыплется под первым же ударом кайзерских войск. Беда в том, что император слишком силен. В его распоряжении золото

католических епископов, его поддерживают Испания и княжества Лиги, его войска держат под надзором дороги и переправы. Что может противопоставить этому король Густав? У него нет крепостей, нет сильных союзников, нет денег, чтобы платить жалованье солдатам на протяжении долгой военной кампании. Его армия, насколько мне известно, насчитывает не больше тридцати тысяч солдат, тогда как император и Лига могут выставить против него армию в сто тысяч. Все это заставляет нас опасаться, что военная экспедиция Его Величества закончится так же плачевно, как и пятилетней давности поход датского короля. Для шведов, разумеется, поражение не станет катастрофой. Чтобы скрыться от войск императора, им довольно будет погрузиться на корабли и отплыть обратно в Стокгольм. Но какая судьба будет уготована Магдебургу? Вся тяжесть монаршего гнева обрушится на нас, и нам уже не придется рассчитывать на снисхождение.

В зале снова установилась полная тишина. Ветер, упрямо рвавшийся в залу сквозь полуоткрытые окна, наконец утих, воздух сделался немного теплее. Солнечные лучи пролегли по каменным квадратам пола широкими золотыми полосами, и было видно, как в этих потоках прозрачного света крохотными крупинками вьется невесомая пыль.

Христиан Вильгельм скрестил руки на груди.

— Господа, мы выслушали вас, — мягко и спокойно начал он, обводя собравшихся взглядом. — Теперь вы должны выслушать то, что мы намереваемся вам сказать. Бесспор-

но, война сулит Магдебургу многие лишения и опасности. Но сейчас мы призываем вас прислушаться к голосу разума. Война подошла к своей переломной точке. Успехи католической партии, мощь императора и его союзников – все это достигло своего предела. Предела, который невозможно перешагнуть. Власть кайзера выглядит незыблемой, однако она покоится на гнилой и шаткой основе. Достаточно одного лишь удара – не самого сильного к тому же, – чтобы эта основа обратилась в прах. Десять лет назад, в самом начале войны, позиции Фердинанда были куда прочнее. Испания двинула ему на помощь армию генерала Спинолы²⁶, двадцать пять тысяч отборных солдат. Франция, где в то время заправляла Мария Медичи и ее подкупленные испанским золотом фавориты, не желала ни во что вмешиваться и на любые действия кайзера взирала более чем благосклонно. Англия и иные протестантские государства Европы также держались от германских событий в стороне. И самое главное, большинство имперских княжеств и городов воспринимали действия императора как должное. Поход католических войск против Богемии и Фридриха Пфальцского выглядел в их глазах всего лишь подавлением незаконного мятежа. Даже курфюрст Саксонский – лютеранин по исповеданию! – выступил в тот момент на стороне кайзера, ударив в спину восставшим чехам и получив за это в награду Лу-

²⁶ Амброзио Спинола (1569–1630) – испанский полководец из генуэзского рода Спинола.

зацию. Поддержка Испании и саксонцев, молчаливое одобрение имперских сословий, равнодушие Франции и протестантских держав – вот то, что помогло кайзеру и Католической лиге достигнуть успеха. Сейчас все переменялось. Испания увязла в войне с Нидерландами и больше не может оказывать кайзеру военную помощь. Король Людовик Французский и его министр, герцог де Ришельё, решительно выступают против усиления Австрийского дома. Альбрехт Валленштайн, имперский главнокомандующий, отправлен в отставку, а созданная им армия распадается и гниет из-за неумелого управления и отсутствия сильного командира. Силы католиков уполовинены. Король Густав тем временем набирает силу. За его спиной армия, прошедшая через десятки сражений. За его спиной – слава полководца, одержавшего победы против поляков и московитов. За его спиной – деньги и поддержка французского короля.

Христиан Вильгельм поднялся из-за стола. Рубиновые пуговицы на его камзоле на миг вспыхнули алыми огоньками.

– С каждым днем король Густав набирает силу, тогда как кайзер – теряет ее. Поддержку имперских сословий он полностью утратил. Несколько лет назад многие еще могли надеяться на его благородство, могли верить в то, что он стремится восстановить в землях Империи порядок и справедливость. Но сейчас – после принятия Реституционного эдикта, после походов и грабежей его войск, после целого ряда незаконных деяний, которые он совершил, – никто больше не

верит ему. Не суверен, но наглый захватчик; не хранитель закона, но клятвопреступник; не защитник мира, но злейший из возможных врагов – таков теперь Фердинанд. Здание кайзерской власти отныне разрушено.

Унизанная перстнями рука наместника очертила в воздухе полукруг.

– Сколь ни печально, но мы должны признать, господа: упреки, высказанные вами в адрес протестантских князей Империи, вполне справедливы. С самого начала войны протестантская партия делала одну ошибку за другой. Одни из нас – наподобие герцога Христиана Брауншвейгского или богемских дворян – повели себя крайне опрометчиво, раньше времени вступив с императором в вооруженную борьбу, не думая о возможных последствиях, не имея достаточной военной силы, не озаботившись приобретением союзников. Другие – наподобие моего племянника, нынешнего курфюрста Бранденбурга, – равнодушно смотрели, как Тилли и Валленштайн одного за другим сокрушают протестантских князей, и даже не думали о том, чтобы прийти им на выручку. Видно, надеялись, что гроза обойдет их собственные владения стороной... Нападать, не имея сил, бездействовать в час, когда решается судьба твоих единоверцев, – такова была политика в стане протестантов с самого начала войны. Лютеране не желали поддерживать реформатов. Немцы не хотели вступить за чехов. Саксонцы – за баденцев. Баденцы – за мекленбуржцев. Никакого единства, никакой взаи-

мовыручки! В Берлине и Дрездене не произнесли ни слова, когда Фердинанд – в нарушение всех законов Империи – отобрал у Фридриха Пфальцского звание курфюрста и передал его Максимилиану Баварскому. Потрясающее слабование! А ведь передача шапки курфюрста баварскому герцогу в первую очередь означала публичное унижение протестантов, утрату их влияния на дела Империи. Если прежде в коллегии курфюрстов²⁷ четырем голосам католиков противостояло три протестантских, то теперь, когда место Пфальца заняла Бавария, католики получили абсолютное большинство. Саксонии и Бранденбургу, равно как и всем остальным имперским князьям, следовало бы протестовать, выразить свой гнев, свое негодование, и тогда, уверяю вас, император пошел бы на попятный и решение свое отменил. Но они не сделали этого! Не сделали и продемонстрировали тем самым свою слабость. Глупая политика и малодушие – вот в чем причина прежних поражений протестантской партии. Уверяю вас, если бы с самого начала мы смогли объединиться и выступить против императора и войск Лиги сообща, то война завершилась бы меньше чем за один год.

Христиан Вильгельм подошел к стоящему в углу большому глобусу на резной деревянной подставке, рассеянно тронул лакированную поверхность. Страны и континенты пришли в движение, перемещаясь из света в тень, появляясь и

²⁷ Коллегия курфюрстов – коллегия семи имперских князей, избиравшая императора.

медленно исчезая.

– Сейчас, впервые за двенадцать лет, у всех нас появилась возможность раз и навсегда избавиться от притеснений кайзера, вернуть себе то, что было у нас отнято. Впервые за двенадцать лет появился человек, вокруг которого могут объединиться все протестанты Германии. И если сейчас мы не сумеем преодолеть собственный страх, второй подобной возможности уже не будет. Фердинанд не остановится до тех пор, пока не сокрушит Эльбский город и не превратит его обитателей в своих покорных рабов. Так неужели Магдебург намерен отказаться от свободы и собственной веры? Неужели он готов пресмыкаться перед чиновниками кайзера и иезуитами, посланными католическим Римом?! Магдебург – не просто богатый город. Это защитник истинного евангельского вероучения, «Канцелярия Господа Бога», как называют его повсюду. Все это придает ему немалый вес и влияние на дела Империи. Присоединившись к союзу с королем Швеции, Магдебург воодушевит тех, кто до сих пор страшился императорского гнева, придаст им сил и уверенности в своей правоте, а раз так, умножит число защитников истинной веры и сделает неминуемой их победу.

Его Высочество заложил правую руку за спину, левая его рука опустилась на золоченый эфес шпаги.

– Наш род, древний и славный род Гогенцоллернов, правит Магдебургским архиепископством уже более ста лет. Мы признали и утвердили в своих владениях евангелистскую

церковь и с тех пор стали именоваться не архиепископами, как это принято у католиков, а наместниками. Мы не вводили несправедливых налогов, не назначали чиновников и судей в обход городского совета, не чинили препятствий хлебной торговле и судоходству. Мы всегда заботились о благе Магдебурга и чтили его права, стремились защитить город и обеспечить его процветание – настолько, насколько это было в наших силах. В прежние годы между нами было немало разногласий – но сейчас не время вспоминать о них. Сейчас город и его суверен должны объединиться: вместе противостоять общему врагу, сражаться бок о бок. Всем вам известно, что мы приказали печатать воззвания, призывающие германские княжества и города восстать на борьбу против кайзера. Мы пошли на этот шаг потому, что уверены: слово – сильнее меча, и стократ сильнее слово, защищающее свет евангельской истины. Слово Магдебурга, подкрепленное полководческим даром шведского короля, – вот то, что сможет сплотить протестантов Германии. Пусть сейчас многие из них колеблются и боятся открыто выступить против Фердинанда, страшась его мести. Пройдет совсем немного времени, и они убедятся, сколь мощную силу представляет собой шведская армия, и тогда – помнящие обо всех унижениях, которые им пришлось перенести по вине кайзера, не испытывающие по отношению к Фердинанду Габсбургу ничего, кроме ненависти, – они выйдут на поле боя и потребуют от императора восстановления своих нарушенных прав.

Сделав еще несколько шагов по залу, Христиан Вильгельм снова опустился в свое высокое кресло.

– Господа, мы понимаем ваши сомнения, – мягко произнес он. – Нам известно, насколько жители Магдебурга привержены своим мирным занятиям, насколько ненавистно им любое кровопролитие. Однако город больше не сможет держаться от войны в стороне.

По знаку Его Высочества Иоганн Сталманн с двумя помощниками разложили на столе карту земель архиепископства.

– Прошу взглянуть, господа. Сейчас имперские отряды заняли наши владения почти целиком. К югу от Магдебурга и по течению Эльбы ими захвачены все поселения и крепости. В стенах Галле стоит гарнизон в четыреста солдат. В Эгельне и Шёнебеке – около двухсот мушкетеров и эскадрон кирасир, примерно столько же – в замках Кальбе и Ротштайн. Католики находятся совсем близко от Магдебурга, меньше чем в полудне пути. В любой момент город может подвергнуться новому нападению и даже не сумеет заблаговременно узнать о приближении неприятельских войск. Именно поэтому мы больше не можем позволить себе бездействия. До наступления зимы мы намерены захватить все укрепленные пункты, прикрывающие подступы к городу. – Палец Его Высочества коснулся карты. – Мы ударим здесь. Неприятельские отряды сейчас разрознены, у них нет единого командира. Не составит большого труда разгромить их

поодиночке, собрав все силы в кулак, захватив их запасы оружия и пороховые склады. Если судьба будет к нам благосклонна, мы сумеем продвинуться дальше на юг, отбить у неприятеля Галле и разместить там свой гарнизон. Южное направление мы перекроем, и Магдебургу больше не придется опасаться внезапной атаки. Разумеется, – наместник повел в воздухе рукой, – кайзерские генералы пожелают нанести нам ответный удар. Однако они не успеют этого сделать. С наступлением зимы им придется разместить свои войска на зимних квартирах и ждать, пока не растает снег и дороги не станут проезжими. К тому времени мы сможем должным образом подготовиться к обороне. Кроме того, весной к нашим землям уже подойдут войска шведского короля. Они сумеют оказать нам необходимую поддержку в борьбе против имперских отрядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.